

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИях ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вопрос о состоянии частного образования в России (как, впрочем, и в других странах) остается плохо изученным. Главной причиной этого является немногочисленность и труднодоступность источников. Официальные документы такого рода мало отражают формы и распространение частного обучения. Между тем, известно, что представители высших классов в первой половине XIX в. отказывались прибегать к помощи государственных общеобразовательных учебных заведений, выбирая для своих наследников индивидуализированные формы обучения. Домашнее образование давали своим детям и многие небогатые семьи.

Самые ранние упоминания о работе частных пансионеров на Урале мы встречаем в 1840-е гг. «Материалы для развития народного образования в Пермской губернии» В.Н. Шишонко сообщают о благородном женском пансионе, который был открыт в Екатеринбурге бывшей классной дамой А. Штиккель. 2 февраля 1840 г., согласно данным В.Н. Шишонко, в него поступило 22 воспитанницы — пансионерки и полупансионерки. Первые из них жили в пансионе и имели полное содержание, вторые лишь посещали учебные занятия и пользовались обеденным столом. Стоимость обучения составляла для полных пансионерок 600 рублей, для полупансионерок — 100 рублей ассигнациями в год. В школе преподавались Закон божий, священная история, русская грамматика, начала словесности, арифметика, история, география всеобщая и российская, французский и немецкий языки, чистописание, рукоделие и рисование. Помимо этого, девушек учили танцевать¹.

Школа госпожи Штиккель просуществовала в Екатеринбурге недолго. В 1845 г. ее основательница переехала в Пермь, и школа закрылась. В губернском центре А. Штиккель нашла поддержку местного губернатора И.И. Огарева. Он помог ей открыть новый женский пансион. Воспитывались в нем до 30 девушек. Разместили школу в большом двухэтажном доме, весьма, впрочем, холодном. Часть его занимала сама содержательница и классные дамы, часть отдавалась пансионеркам. Стоимость обучения здесь была примерно той же, что и в Екатеринбурге — для полных пансионерок 180 рублей серебром в год, для проходящих — в несколько раз меньше.

Н.А. Фирсов, собравший рассказы воспитанниц и учителей пансиона, сообщает, что среди пансионеров преобладали дочери местной провинциальной «аристократии», приходящими же были девочки из среды купечества и малообеспеченного чиновничества. К полупансионеркам воспитанницы-аристократки относились свысока и редко общались с ними. Не могли их сблизить ни совместные занятия, ни праздничные вечера, проводившиеся в домашней обстановке.

Преподавали в пансионе учителя гимназии. Любопытно, что работали они в женской школе почти бесплатно, добровольно приняв на себя обязанность воспитания и обучения девочек. Много сил отдавали развитию женского образования в городе директор гимназии И.Ф. Грацинский и пермский губернатор И.И. Огарев. И.И. Огарев не только жертвовал собственные деньги на поддержание пансиона, но и лично убеждал купцов и чиновников отдавать дочерей на учебу. Усилия эти, однако, как утверждает Н.А. Фирсов, плохо вознаграждались. Пермское общество относилось к пансиону прохладно.

Одной из причин этого были недостатки в организации обучения. Учились девочки по самым кратким учебникам, причем оценивались их старания не по пониманию предмета и отметкам преподавателя, а по баллам и знакам, получаемым от надзирательниц. Классные дамы требовали от воспитанниц лишь достаточно полного пересказа учебника. Именно в этом девочки и упражнялись, быстро забывая выученное без толку и понимания. Главное внимание надзирательницы уделяли воспитанию внешних приличий, в чем, впрочем, тоже имели мало успеха.

Родители отдавали детей в пансион, боясь испортить отношения с начальником губернии, но оставались, по большей части, недовольными полученным образованием и воспитанием. После смерти основательницы пансиона в 1852 г. женское учебное заведение перестало существовать². Н.А. Калинина обнаружила интересную переписку директора училищ И.Ф. Грацинского с попечителем Казанского учебного округа по поводу судьбы пансиона А. Штиккель. В 1848 г. И.Ф. Грацинский ходатайствовал перед учебным ведомством об учреждении в губернском городе «благородного для девиц института», основой которого мог стать пансион А. Штиккель. В этом учебно-воспитательном заведении, по его мнению, могли бесплатно обучаться дочери бедных чиновников, «безукоризненно» служивших в Пермской губернии.

Проект И.Ф. Грацинского был достаточно хорошо просчитан. Директор считал, что частично расходы на женский институт могут быть покрыты из средств казны (устройство помещения, жалование учителям, покупка одежды и обуви для воспитанниц), частично же их можно переложить на население. Для содержания института И.Ф. Грацинский предлагал установить специальный сбор с дворянских имений (по 5 копеек с ревизской души) и налог с жалования служащих — по 1,5 копейки с рубля. В желании организовать женский институт директор был не одинок. Проект поддержал губернатор И.И. Огарев. Тепло и сочувственно его встретили городские чиновники, а также преподаватели гимназии и уездного училища. Пора государственных женских учебных заведений в Пермскую губернию, однако, еще не пришла. Попечитель отклонил проект, ссылаясь на официальный запрет для учебного начальства посылать представления, требующие сверхштатных расходов казны на нужды образования³.

Образование в частных пансионах были достаточно дорогим, поэтому они с трудом находили воспитанниц. Как правило, работали эти учебные заведения недолго. Женский пансион Марии Курвоазье, открытый в Перми в 1842 г., просуществовал в течение всего одного года⁴, в Екатеринбурге шесть лет (1844–1850 гг.) принимал воспитанниц пансион Ольги Николаевой, пять лет (1844–1849 гг.) — пансион Елизаветы Юст, пять лет (1848–1853) — пансион Елизаветы Гельм, несколько лет — пансионы Александры Бервальд и Варвинской⁵. Закрывались пансионы «за недостатком воспитанниц». Дочь чиновника 10 класса А. Бервальд открыла пансион в 1851 г. В 1854 г. в нем обучалось лишь 10 девочек (восемь из них пришли сюда из дворянских семей, двое — из купеческих)⁶.

Сведений о работе мужских частных пансионов в Пермской губернии нам обнаружить не удалось. Возможно, они и существовали, но число их было очень ограничено. Т.А. Калинина в своем исследовании о развитии народного образования на Урале упоминает о работе в Перми в 1850-е гг. частной школы Л.Я. Богословского, но подробных сведений о ее деятельности не дает⁷. Известно, что преподавателям гимназий и других государственных училищ разрешалось содержать в своих домах учеников в качестве пансионеров. Учителя занимались с ними дополнительно, сверх учебной программы, различными учебными предметами⁸. К 1855 г. в пансионах школьных учителей и чиновников содержалось 9 мальчиков⁹. Создавались подобные пансионы, по данным Т.А. Калининой, только в губернской Перми. В 1848 г. был

открыт пансион учителя гимназии В.В. Всеволодова, в конце 1840-х гг. — учителя гимназии Г.И. Балбашевского, в 1853 г. — учителя гимназии С.С. Андрасси¹⁰.

Невелико было и число аттестованных домашних учителей. По данным официального отчета Пермской дирекции, в 1855 г. в губернии числилось всего 4 таких учителя и 13 учительниц. Одна женщина, кроме того, имела право на начальное обучение детей грамоте и арифметике¹¹. Однако, как признает Х. Мозель, число домашних учителей не ограничивалось педагогами, имеющими свидетельства на обучение. На деле, несмотря на запрещения правительства, было много наставников из числа дьячков, солдат, мелких чиновников и других «мастеров грамоты», которые зарабатывали деньги, занимаясь начальным обучением детей¹².

Подобные же сведения сохранились и по Вятской губернии. Сын мелкого чиновника Н.А. Чарушин вспоминал о домашней школе в городе Орлове, которая существовала в 1850-е гг. «Лет семи или восьми, — пишет он, — меня отдали обучаться грамоте к какому-то дьячку, у которого в тесной комнатухе обучалось, кроме меня, до дюжины других ребятишек. Обучение велось еще по старинке, о звуковом методе тогда не имелось и представления. Само собой, что ни сам преподаватель, ни его метод обучения не могли увлечь нас, и мы, естественно, относились к обучению грамоте, как к неприятной повинности, которую надо отбывать потому, что этого хотели и требовали родители»¹³.

Вообще уровень образования чиновников в то время был крайне низким. Чиновники с высшим образованием были большой редкостью. По данным Л.В. Мерзляковой, изучившей формулярные списки чиновников и приказнослужителей Вятской губернии, основная их масса (68,7%) в 1855 г. имела лишь домашнее образование¹⁴. Весьма красноречивое свидетельство отношения образованного общества к вятскому чиновничеству сохранилось в письме одного из местных ссыльных Г. Каменьского. «/.../ шутят по поводу излишнего и чрезмерного подобострастия чиновников, — пишет он, — которые перед начальством тянутся по струнке, в их обществе не позволяют себе присесть и т.п. У них слово «чиновник», особо подчеркиваемое в разговоре, обозначает человека простого, не получившего никакого воспитания, манерам и поведению которого свойственны разные недостатки»¹⁵. Еще более низким был уровень образовательных претензий в среде уездного купечества и мещанства. К 1855 г. в Вятской губернии было всего два официально

зарегистрированных домашних учителя. Обучалось дома, судя по официальному отчету дирекции, 40 учеников (20 мальчиков и 20 девочек), половина из которых были разночинцами. Кроме того, 6 пансионеров имели школьные учителя и чиновники¹⁶.

Сведений о работе частных женских пансионов в Вятской губернии источники не сохранили. В Вятских губернских ведомостях есть лишь небольшое упоминание о том, что в губернском центре существовал какой-то пансион на 7 или 8 воспитанниц, но и тот, за недостатком средств был быстро закрыт. Вполне возможно, что это был единственный за всю предреформенную историю вятский женский пансион¹⁷. Свидетельством тому служат слова одного из корреспондентов Вятских губернских ведомостей. В 1858 г. он писал о крайней необходимости развития в Вятке женского образования: «Вятка и Вятский край, — замечал корреспондент, — едва ли не более других нуждаются в нем. Здесь нет буквально ни пансионов частных, ни каких-либо других училищ женских. Край здешний непроезжий и далекий от всего, а переезды чрезвычайно дороги, в особенности для людей небогатых. Еще люди со средствами, которых очень немного и в высшем сословии, в состоянии иметь гувернанток (едуших сюда неохотно) для своих дочерей или воспитывать их за тысячи верст, в Москве или Санкт-Петербурге, что и делается теперь некоторыми¹⁸.

Любопытна оценка, которую дает вятский корреспондент столичным женским пансионам того времени. Цели существовавших пансионов, судя по словам автора, не соответствовали культурным запросам провинции. «Дети, — пишет он, — если не отвыкают от родителей, то отвыкают от семейной жизни и усваивают обстановку роскошных заманчивых для родителей пансионов, из которых они выходят потом прекрасными принадлежностями лучших салонов с парижским проizioшением, но никак не хозяйками дома, а тем более матерями своих детей»¹⁹.

Столь же нелестное описание женских пансионов того времени приводят и Оренбургские губернские ведомости. В одной из публикаций 1850 г. оренбургский корреспондент П. Малыхин писал: «В чем же состоит это пансионское воспитание? Основание всему, как всякий может догадаться, есть французский язык, потом музыка и танцы, а иногда и немецкий язык, впрочем, только для желающих. Что же касается до прочих наук, которые должны быть главными, как нужнейшие в жизни, то они идут часто кое-как, и случается, что де-вушка, выходя из пансиона, не знает, кто прежде правил в России —

Владимир Мономах или Борис Годунов»²⁰. Недостатки пансионного воспитания отталкивали многих родителей от этих женских учебных заведений.

«Дворянская» Оренбургская губерния немногим отличалась от прочих по качеству частного образования. Первая частная школа для девочек открылась в уездном Оренбурге в 1825 г. Ей руководила учительница А. Савченкова. Школа давала детям начальное образование, занимались в ней дети небогатых жителей города. Работала она семь лет²¹. В Уфе первый частный девичий пансион для детей «благородных родителей и почетных граждан» появился в 1843 г. Руководила им дворянка В. Герн. В 1846 г. в этом пансионе обучалось 19 воспитанниц, по большей части из дворянской среды. Несколько лет (с 1850 г.) работала в Уфе женская школа под руководством А. Граковой. Школа была рассчитана на 30 девочек, но полностью никогда не была заполнена²².

Немногих воспитанниц первоначально смог найти и женский пансион Марии Яковлевны Гутоп, открытый в Уфе в 1854 г. В 1855 г. в нем обучалось всего 10 девочек (8 — из числа дворян, 2 — из купечества)²³. Надо отметить, что работа пансиона М.Я. Гутоп была весьма положительно оценена местным училищным начальством. На публичном испытании в 1856 г. девочки показали хорошие знания по закону божию, французскому и немецкому языкам. Корреспондент Оренбургских губернских ведомостей сообщает, что ученицы пансиона свободно общались на иностранных языках, без подготовки переводили все предложенные им тексты. Достоинством этого заведения была организация обучения: по заведенному порядку, девочки разговаривали в школе до обеда по-французски, а после обеда — по-немецки. В 1856 г. М.Я. Гутоп получила благодарность от местного училищного начальства «за стройный порядок в заведении и хороший выбор преподавателей». Число учителей в пансионе доходило до 8 человек²⁵.

Работал в Оренбургской губернии некоторое время и мужской частный пансион. Инициатором его создания был штатный смотритель Уфимского уездного училища И. Сосфенов. Пансион был открыт в Уфе в 1844 г. Время прекращения его работы нам не известно, очевидно, это произошло в конце 1840-х гг. Отчет дирекции за 1854 г. о существовании этого учебного заведения уже не сообщает.

Оренбургские губернские ведомости, известившие о начале работы пансиона, сообщали, что главной и единственной целью этого учебного заведения будет подготовка мальчиков к поступлению в гим-

назию, поэтому принимались в него дети только тех сословий, которые имели право на обучение в средних учебных заведениях. Пансион не был закрытым учебным заведением: ученики посещали классы днем, ночевали же они в домах родителей. В течение дня уроки длились пять часов. За два года ученики обучались в пансионе краткой священной истории, чтению и письму по каллиграфическим образцам, русской грамматике, французскому, немецкому и латинскому языкам, арифметике, географии, а также навыкам танцевания. Воспитанники, закончившие курс с полным успехом и выдержавшие публичное испытание в присутствии учебного начальства, могли поступить прямо во второй класс гимназии.

Работа пансиона находилась под непосредственным надзором директора училищ Оренбургской дирекции. Содержатель представлял ему всю необходимую отчетность о работе учебного заведения, утверждал учебный план и испрашивал согласия на приглашение учителей. Учебные предметы изучались по руководствам, принятым в казенных учебных заведениях. Пансион был рассчитан на детей состоятельных родителей. За годичное обучение каждого ученика ежегодно вносилось 60 рублей серебром. Родственники из одного семейства при этом могли рассчитывать на некоторые льготы: за двух братьев плата составляла 100 рублей серебром, за трех — 143 рубля серебром. При наборе 15 воспитанников, вносящих полную сумму за обучение, один из бедных пансионеров получал возможность обучаться бесплатно²⁶. Пансион был рассчитан на 15 воспитанников, долгое время, однако, число его учеников не превышало и десяти. В 1846 г. здесь училось 12 мальчиков. Три четверти их принадлежало к сословию дворян и чиновников²⁷.

Число официально аттестованных домашних учителей в Оренбургской губернии было очень невелико. По данным официального отчета Оренбургской дирекции, к 1855 г. здесь числились: 1 домашний учитель, 1 частная учительница, 4 учителя и 5 учительниц, занимающихся начальным обучением. Кроме того, домашние пансионы содержали местные чиновники и преподаватели. На воспитании у них находилось 5 учеников²⁸. Для бедных горожан дорогое частное образование было недоступно. Как и в других уральских губерниях, образование многих жителей Южного Урала ограничивалось приобретением элементарных навыков грамотности у «мастеров грамоты».

Примечания

¹ Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 199.

² Фирсов Н.А. Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858. С. 33.

³ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII — первая половина XIX вв.): Учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 59.

⁴ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 80

⁵ Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования... С. 228, 235; Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 78.

⁶ Шишонко В.Н. Материалы для описания развития народного образования... С. 236; Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 78; Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 189.

⁷ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 81.

⁸ ПСЗ-И. Т. 27. №20597. Ст. 46.

⁹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 112.

¹⁰ Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале... С. 81.

¹¹ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 106 об.

¹² Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 491.

¹³ Чарушин Н.А. О далеком прошлом. Ч.1. - М., 1926. С.18.

¹⁴ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): Дис. канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 109.

¹⁵ Цит. по: Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии... С. 111.

¹⁶ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 197–198.

¹⁷ Еще несколько слов о женских учебных заведениях в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости. 1860. №51. С. 374.

¹⁸ Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае // Вятские губернские ведомости. 1858. №27. С. 175.

¹⁹ Там же.

²⁰ Малыгин П. О воспитании девиц // Оренбургские губернские ведомости. 1850. №9. С. 39.

²¹ Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 63.

²² Мирсаитова С.Г. Народное образование на Южном Урале... С. 63; О народном образовании в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости. 1846. №43. С. 515.

²³ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 402.

²⁵ Оренбургские губернские ведомости. 1856. №28. С. 123.

²⁶ О частном учебном заведении в Уфе // Оренбургские губернские ведомости. 1844. №32. С. 406.

²⁷ О народном образовании в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости. 1846. №43. С. 515.

²⁸ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 368–371.

Р.Л. Исхаков (УрГУ)

180 ЛЕТ «ГОРНОМУ ЖУРНАЛУ»: РОССИЙСКАЯ ГОРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ BERGBAUZEITSCHRIFTTEN-СИСТЕМЫ

Старейший российский «Горный журнал» увидел свет через три четвери века после смерти В.Н. Татищева в июле 1825 г. Издание журнала преследовало вполне конкретные утилитарные цели развития горнозаводского дела России. Польза обществу была и главной целью жизни и творчества В.Н. Татищева. Энциклопедия Эфрона и Брокгауза называет Татищева «сознательным утилитаристом». Вся литературная деятельность Татищева, включая и труды по истории и географии, преследовала публицистические задачи. Татищевский утилитаризм лежит в основе создания и развития богатейшей отрасли журналистики — научно-технической, и ее отдельного типа — горных изданий. Поэтому не будет натяжкой интегрировать идеи из творческого наследия В.Н. Татищева и рождение российской горной журналистики.

Среди печатной продукции по горному делу (патентов, стандартов, депонированных рукописей, монографий и т.д.) статьи из журналов занимают основное место — свыше 85 процентов¹. Под горной журналистикой (*Bergbauzeitschriften*) мы понимаем печатные периодические издания по горному делу, выходящие не реже одного раза в год. Они имеют достаточно широкое распространение в мире. Мы назвали их специальным термином «*Bergbauzeitschriften-система*», для обозначения их типологии имеются специальные термины во многих языках — *англ.* journal of mining, *нем* Bergbauzeitschriften; *Montan-Zeitschriften*; *фр.* carnet de mine, annales des mines; *итал.* registro de labores mineras.

«Горный журнал» — ежемесячный научно-технический и производственный журнал, старейший технический журнал в России. В течение почти 100 лет «Горный журнал» был единственным периоди-